

Гаршин, Новодмитровка и иное

Моск. пром. вост.-2006.-6 февр.-с.2

НЕТ, Всеволод Михайлович Гаршин, читать которого взялся для устранения пробела в самообразовании, в Новодмитровке бывал едва ли. Двадцать с лишком лет назад деревня эта вошла в состав Москвы. Она расположена у самого Ленинградского шоссе, а во времена писателя путешествие из Петербурга в первопрестольную все более совершалось поездом. Вот из купейного окна при любовании подмосковными пейзажами - а Новодмитровка находится неподалеку от пересечения шоссе железной дороги, где поезд наверняка уменьшал ход, - обращать взоры на нашу героиню Гаршин мог неоднократно. И вообще: прочитай пронзительного, душепрониновенного, трагического Гаршина, предопределявшего скорую смерть и торопившегося жить, а вскоре как-то само собою получилось, что побывал в Новодмитровке, с ее проникновенной и во многом трагической судьбой, почему-то подпавшей под столичный статус, и им же уготованной к гибели. Оговорюсь: в геометрии их жизни - деревни и писателя - то далеко не единственные параллельные. В общем...

О СЕЛЬЦЕ Новом, существовавшем окрест современной деревни, известно с XV столетия - звалось оно еще «Скомонтовым»: видимо, по первому владельцу, выходцу из Литвы. К слову, и писателя Гаршина, родившегося 2 февраля 1855 года в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в дворянской семье, теперь можно было бы отнести к «иностранцам» - происхождение-то украинское... Позднее «Новое» Скомонтово тож» было за царевичем Иваном - тем, которого в исступлении убил собственный отец, царь Грозный, и страшный конец которого в красках и полотне донес до нас Репин. Между прочим, Репин дружил с Гаршиным, с нежностью писал о нем в «Далеком-близком», навещал в больнице известного профиля под

отца, участника Крымской кампании, стремительно тянулся к знаниям. Его, с детства будто боявшегося опоздать к празднику познания жизни, интересовало многое: девяти лет определенный в петербургскую гимназию, он тогда уже отличался жадной чтением, любовью к природе и доходившим до физических мук страданием из-за увиденных несправедливостей. Неправда несправедливости бередила его обостренное мировосприятие и в дальнейшем - так, он начнет слагать стихи (и ни одно не будет издано при жизни); так, в пору обучения в петербургском Горном институте появится его первая напечатанная работа - газетный фельетон «Подлинная история Энского земского собрания»; так, в день объявления войны Турции он оставит студенческую скамью и добровольно, через Кишинев, отправится рядовым на Балканы. «Болезнь его питали впечатления действительной жизни», - скажет о Гаршине знавший его Г. Успенский. А действительность той, солдатской, жизни, образно говоря, копошилась на теле недостижимого мира вшами несправедливости - где, как не в окопах, сие постигнуть? Вот и поведет за собой рядовой Гаршин замешкавшихся солдат в атаку - за веру, Отечество и... несправедливо попираемое славянство. Будет ранен и, подлечиваясь в госпитале, напишет свой первый рассказ - «Четыре дня». О противоречиях войны, ее неправде, несправедливости. Той же животрепещущей теме посвятит автобиографическое произведение «Из воспоминаний рядового Иванова», очерк «Асяляское дело», рассказ «Трус». «Нынешняя война только начало грядущим», - прозорливо отметит автор в последнем - и, получив, подобно отцу и деду, офицерское звание, подаст в отставку. Его ждет мирный Петербург, сотрудничество с «Отечественными записками», литературная стезя. «Каждая буква стояла мне капли крови», - признается равнявшийся к Голгофе творчества Гаршин. Рассказы, заметки, очерки, стихи - их было немного, но они запоминались. А еще вынашивалось несколько военно-исторических романов - в их числе о Петре. Что ж, новодмитровская земля - очевидца петровских деяний, да и его присутствия тоже.

ДЕЛО в том, что в XVII веке село Новое отписали дворян, а с 1689 года наряду с Черкизовым и Чашниковым пожаловали дяде Петра - Льву Кирилловичу Нарышкину. За Нарышкиными,

один из которых (Дмитрий Львович) основал возле дороги на столицу тезоименитую деревеньку Дмитровку (Новодмитровку) и перевел туда часть крестьян селца Нового, и числились те земельные наделы. Вплоть до первой половины XIX столетия, когда их выкупил будущий коллежский советник А. Карепин. А после 1861 года древнее Новое, окончательно перебравшееся к Петербургскому шоссе, в Дмитровку, вовсе прекратило существование.

Да, эти селения познали и позор опустошения - поляками, французами, немцами (неподалеку отсюда знаменитый памятник обороны Москвы 1941 года - «Противотанковые ежи»), но они засвидетельствовали и пьянящие патриотической гордостью чувства необходимости и защищенности. Ценою здоровья и личным участием в защите засвидетельствовал свой патриотический долг и Гаршин, студент столичного вуза. Увы, нынешнее столичное студенчество не больно рвется что-то там защищать, где-то нести тяготы воинской службы - иные времена, иная мораль и ценности. Впрочем, «иные» ли? Вот ежевечерне рядом с Новодмитровкой по Ленинградке рассыпаются жрицы любви - и из студенчества тоже. Такое - в иных, быть может, формах - и при Гаршине было: героиня его «Присшествия» занимается подобным. А вот бурлящая меж двух столиц Ленинградским шоссе страна вдруг замирает среди прочего мира на чудовищном первом месте по количеству суицидов.

Как ни горько, и при Гаршине самоубийств хватало с лихвою. Он и сам в горестном приступе отчаяния, по обострению душевного расстройства, покончил с собою, бросившись в лестничный пролет столичного подъезда. Он ждал беды, шел к ней - шли к ней и кончавшие жить его герои: путем естественной смерти распадается любовный треугольник «Надежды Николаевны», суицидальные планы вынашивает герой «Ночи». Безысходностью полнятся и другие пронзительные повествования: «Сигнал», «Трус», «Офицер и денщик». Герой последнего, деревенский увалень, вынужденно покинувший неимущих родных и угрожающий прихотям начальника, невольно обрекает на голодную гибель семью и деревню. А сколько их, таких новодмитровок, прозябает и гибнет сегодня в Центральной России? Пусть и не от голода... По некоторым данным, еженедельно наша страна лишается очередных 5 - 6 деревень - они вымирают. Как умер лишенный рассудка и доставленный в известную психиатрическую лечебницу Харьковской губернии герой «Красного цветка», главного гаршинского шедевра.

Сумасшествие? Да. Но, как ни странно, в наши дни проявления его становятся осмысленными. В самом деле: ну, назовешь ли нормальными нас, когда у той же Новодмитровки, по загаженному гарью и тяжелыми металлами шоссе, стоят продавцы-крестьяне и осмысленно предлагают проезжающим насквозь пропитанную отравой овощную продукцию? Корнеплоды - с расположенных у бесперебойной визжащей трассы огородов - таким питают нас и кормятся сами. Похоже, копать и рев магистраль вы-

бывают здравые мысли напрочь... А ведь стоит лишь зайти в глубь деревушки, с ее избенками и уличными колодцами, стоит прорваться к околицам, полю, перелеску на горизонте, как вдруг осознаешь: тихо-то как, хорошо. Но не будет вскоре и этого: покроют столичной застройкой еще один уголок подмосковной природы и... Был Гаршин несостоявшимся горняком, а здесь, во всепоглощающем мартене мегаполиса, не сегодня-завтра состоится переплавка очередного исторического сельского самородка. Уйдет естественный ландшафт, зачистят природу. А не о том ли инстинктивно предупреждал «ненормальный» Гаршин? Спиливают прорвавшуюся сквозь несвободу тепличного стекла пальму в «Отталии принцип», душевнобольным уничтожаются дивные маки в «Красном цветке», убивают скоморошествовавшего топтыгу в «Медведе», умирует трогательный мальчик в «Сказке о жабе и розе». Разносторонние ботанические и зоологические гаршинские знания, пересыпанные ожиданием какой-то трагедии, не раз вырываются в строчках. Да, окружающий мир жесток - и Гаршин, то понимая, по-своему пытается его скрасить. Между прочим, последним его сочинением стала столь любимая детьми и взрослыми «Лягушка-путешественница». Думается, знали ее и питомцы открытого к 1914 году в Новодмитровке земского училища.

ДУМАЕТСЯ, знал и по-своему любивший природу московский фабрикант Жиро, выкупивший у новодмитровских мужиков часть земли и тешившийся на ней разведением лошадей да бегами. Кстати, после Великой Отечественной в былом владении конезаводчика и хозяйина нынешнего комбината «Красная Роза» открылась перевалочная база Московского зоопарка - вновь невыдуманные переплетения. И вообще: многое переплелось в ставшей с 1985 года столицей Новодмитровке - вот и улицы, исходя из положения, приобрели питерский оттенок. Одними из главных для 290 жителей деревеньки стали Охтинские улицы и проезд. Бывал ли на Охте Гаршин? Наверняка. Действия его «Надежды Николаевны», «Художников», «Очень коротенького романа», «Присшествия» пропитаны Петербургом - Всеволод Михайлович любил столицу. Любил и Москву - даже сравнивал ее с детищем Петра в очерке «Петербургские письма». Ах, Гаршин, Гаршин: зачисленный Тургеневым в собственные творческие наследники и послуживший прообразом для чеховского «Припадка», он и упокоился-то на том питерском литераторском кладбище, состояние которого столь его удручало.

«Мы не заботимся о наших великих мертвых», - откликнулся он в «Письмах», сравнивая «Литераторские мостки» с заморскими могилами писателей. Но вот поди же ты, сам лег на Волковом. Нашла ли там мятущаяся гаршинская душа упокоения? Кто знает... Во всяком случае, к Новодмитровке, и так густо поросшей специфическим гаршинским видением мира, переплетшийся с его судьбой, это отношение не имеет. Это - совсем иное повествование...

Алексей МИНКИН.

Харьковом и... использовал в качестве натурщика - к образу все того же смертельно раненного царевича Ивана. Да и сам Гаршин, в студенческую столичную пору сблизившийся со многими живописцами, запечатлел их самобытные проявления трудами личных наблюдений: в рассказах «Художники» и «Надежда Николаевна», критических заметках с выставок.

Вообще же, несмотря на тяжелый душевный недуг, Всеволод Михайлович, воспитываемый в лучших традициях русского офицерства, питаемый сызмальства чтением столичного «Современника» и военными рассказами

